

6. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев // Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. – М., 1992. Т. 2.
7. Мишель Лакост. Кандинский / Лакост Мишель. – М.: Слово/Slovo, 1995.
8. Бредбери Р. О скитаньях вечных и о Земле / Р. Бредбери; пер. с англ., сот. и посл. В.И. Скурлатова. – М.: Правда, 1987.
9. Герчук Ю.Я. Что такое орнамент? Структура и смысл орнаментального образа / Ю.Я. Герчук. – М.: Галарт, 1998.

ГРНТИ 03.01.06

УДК 930.1

А.Г. Степанов
С.И. Арсентьева
Н.Г. Гаврилова
ЧГУ, Чебоксары

МИФОЛОГЕМНО-УТОПИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ОРГАНИЗАЦИИ КАРТИНЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Рассмотрена специфика производства картины социально-исторической реальности. Содержание картины истории определённо детерминировано значениями общественного идеала. Картина социально-исторической реальности возможна как реализация утопического проекта по конструированию востребованного социумом ракурса исторического явления.

Ключевые слова: картина социально-исторической реальности, образ истории, социокультурная детерминация, общественный идеал, утопия.

Начало ХХI века в общественных дисциплинах стало периодом очередного пересмотра взглядов на ход и содержание социальной истории, что не могло не затронуть вопросы о научной состоятельности исторического знания, значение которого в гуманистике является во многом определяющим, «никакое анализируемое гуманитарными науками содержание не может оставаться замкнутым в себе, избегая движение истории...» [1, с. 376].

Актуальность осмысления специфических оснований картины социально-исторической реальности обусловлена тем, что существенные стороны человеческого существования проявляются через те представления об историческом прошлом, которые складываются на различных этапах развития человека и общества. В. Дильтей отмечает: «Человек познаёт себя только в истории» [2, с. 123]. Становление картины социально-исторической реальности является важнейшей

предпосылкой формирования общественного организма. Обращение к прошлому социальной общности позволяет сформировать представления о необходимой организации настоящего и определить перспективы будущего. Организация картины социально-исторической реальности базируется на конкретном материале, связанном с условиями субъектно-объектного взаимодействия в контексте определённой социокультурной парадигмы, обуславливающей практическое применения систем восприятия, интерпретации, стилей абстрактно-логической деятельности, которые в качестве условий формирования образа исторического процесса детерминируют систему её конструирования и вносят в её содержание аспекты иллюзии.

Соотношение объективного и субъективного аспектов социально-исторического знания всегда осуществлялось через комплекс дополнения известного предполагаемым, что позволяло, с одной стороны, создать целостный, непротиворечивый образ реальности, а с другой стороны – создавало предпосылки для характеристики содержания создаваемой картины реальности как относительной, включающей в себя как информационные блоки, соответствующие свойствам реальности, так и знания, которые соответствуют свойствам исследуемого только в представлениях их создателей. На этой основе возникает мифологемная составляющая картины социально-исторической реальности как выражение специфической духовно-практической связи между человеком, его внутренним миром и содержанием исследуемого фрагмента социально-исторической реальности.

Мифологема – это результат становления определенного видения исторической реальности в контексте детерминирующего влияния социокультурных структур, опосредующих содержание картины отражаемого процесса.

События, составляющие содержание прошедшего этапа социальной организации, существуют в нас как следствия реальности, нашедшие отражение и зафиксированные в рамках организационных структур общественного сознания. То, что не существует в настоящем времени в объективной действительности, существует в субъективных формах структур социальной памяти. «История есть коллективная память людей, память о прошлом. Но память о прошлом – это уже не прошлое в собственном смысле слова. Это прошлое восстановленное и восстанавливаемое по нормам современности, с ориентацией на ценности и идеалы жизни людей в настоящем» [3]. Ценности представляют собой форму выражения сущности человека. «Дело в том, что отнюдь не все изменения, приносимые человеком в реальный мир, одинаково приемлемы для человеческой природы. Ценности и

выступают в качестве социокультурных средств соотнесения событий и изменений, происходящих во внешнем мире, с миром человека» [4, с. 123]. Высшие ценности, овладевая сознанием людей, коллектива, национальной группы, становятся объединяющим фактором, базой формирования национальной идеи. Эталоны открывают человеку перспективу его существования, обеспечивают ему осмысленную жизнь.

В комплексе ценностей социальной экзистенции история предстаёт в качестве инструмента социокультурного определения общественного организма, осознающего себя в качестве особой отличной от других сообществ целостности, преследующей определённые цели, смыслы которых аккумулированы в содержании общественного идеала. Традиционно в категории «идеал» обобщаются представления о «высшей цели деятельности, стремлении, совершенном воплощении чего-нибудь» [5, с. 349]. И. Кант, определяя идеал как образ достигнутого совершенства, которое не может быть реализовано в реальной действительности, рассматривает его в качестве априорно понимаемого «регулятивного принципа» социального действия.

С онтологической точки зрения, идеал есть форма небытия, создаваемая для того, чтобы превратиться в бытие, и именно в такое бытие, которое отвечает развивающимся интересам человека» [6]. Следовательно, под общественным идеалом понимается представление о совершенном способе существования социума, возникшем вследствие проекции содержания общественных потребностей в содержание общественного сознания. Выступая следствием социально-исторического развития социума, общественный идеал является опосредующим звеном между комплексом социально-антропологических потребностей в определённом способе бытия и технологиями их удовлетворения.

Идеалы – это устойчивые единицы социального целеполагания, утверждающиеся в процессе освоения человеком социальной практики в качестве парадигм социальной активности, и становящиеся таким образом источником саморазвития человека и общества. Идеал привносит необходимый смысл в процесс социального развития и предоставляет возможность восприятия и оценки социально-экономических ресурсов с позиций их соответствия представлениям о социально должном. Заключенные в идеалах социальные установки восходят к групповым представлениям о ценностях и нормах. Подобные идеальные типы М. Вебер называл утопиями, так как данные феномены не столько отражают реальность, сколько выражают отношение к ней.

Утопии являются порождениями глубокой антиномичности социальной экзистенции: с одной стороны, укоренённость социума в объективной реальности как атрибутивном условии существования, с другой стороны – преодоление данности бытия посредством его целенаправленного изменения. Утопия преподносится в качестве идеального проекта конструирования практических способов освоения реальности. В утилитарном смысле утопия представляет собой ориентир социальной активности, включающий ценностные значения социокультурного идеала, непосредственно воздействующего на сознание социума. Усвоенная массовым сознанием утопия, становится реальной силой социальной экзистенции, становясь имманентным компонентом умонастроения общества, формой социального целеполагания. Утопизм в этом случае проявляет себя как следствие выхода человека за пределы наличного бытия и перехода в реальность идей. «Ведь назначение идей состоит в том, чтобы заменить нестабильный двусмысленный мир на мир, в котором нет места двусмысленности» [7, с. 5]. В этом смысле утопическую рефлексию можно характеризовать как процесс мысленного исправления объективной реальности. Утопия является креацией реальности, отсутствующей в непосредственном бытии, создавая воображаемый мир, являющийся ответом на вызовы современности.

Утопический идеал – это превращённый образ реальности, выражающий одновременно смысл социальной экзистенции и форму её реализации.

Категория «утопия» была введена в социокультурный оборот Т. Мором, употребившим данный термин в двойном смысле:

- а) благодатное место,
- б) место, которого нет.

В. Даль, рассматривая эту проблему, предлагал ориентироваться на следующие определения:

- 1) «небывалая, блаженная страна»;
- 2) «всё мечтательное, несбыточное, грёзы о счастье» [8].

Предложенные дефиниции, очевидно, детерминированы классическим пониманием утопии как «описания воображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества... организованного совершеннее, чем то, в котором живет автор» [9, с. 7]. Вместе с тем определение утопического в контексте его проявления в социокультурном формате имеет более широкие возможности. В частности, характеристика утопии – как состояния «в опыте, мышлении, практике, которое ориентировано на объекты, не существующие в данной

ситуации» [10, с. 502]. Это опрежеление, сформулированное К. Мангеймом, положило начало пониманию утопии как идеальной формы выражения социальных отношений, не данных в непосредственном восприятии.

Заявленная тенденция была отражена, например, в исследованиях Э.Я. Баталова, рассматривающего утопию как «образ идеального... выступающего в качестве объекта созерцания или материального воздействия в различных сферах человеческой деятельности» [11, с. 52]. Утопия, следовательно, предстает как идеальный проект явления, не существующего в реальности, но отражающего её фундаментальные характеристики. Подобное определение позволяет характеризовать утопию не только как совершенный образ идеального общества, но и как образ социальных явлений, не существующих в наличном бытии, но имеющих к нему непосредственное отношение (и к историческим явлениям в частности).

В таком же контексте предлагает трактовать утопию Г.М. Понамарёва, определяющая данный феномен в качестве результата специфического отношения «...к действительности, связанного с созданием определённой картины мира и определённой социокультурной концепции бытия» [12, с. 9]. Д. Шклар рассматривала утопию в качестве вневременного образа совершенного, лишённого какой-либо возможности быть осуществлённым в объективной реальности [9, с.7]. Совершенство, абсолютность и непротиворечивость были отмечены и И.Н. Нимановым в качестве атрибутов утопии, определяемой как умозрительная модель, «...которая с точки зрения её создателя, в силу абсолютной истинности или ложности и универсальности, заложенной в этом устройстве абсолютизируемой идеи (сама эта идея может отражать ту или иную грань, сторону, стадию, закономерность развития объективной действительности или человеческого сознания), должна по замыслу обеспечить «идеальное», «совершенное», т.е. внутренне не противоречивое, бесконфликтное состояние человека и человечества...» [13, с. 108].

Мы предлагаем рассматривать категорию «утопия» в рамках её определения – как идеальную форму выражения отдельных аспектов социальной жизни, которые отсутствуют в наличном бытии, но присутствие которых является необходимым условием определения перспектив экзистенции социального организма и форм их реализации. Следовательно, *утопия* – это образ социальных связей и отношений, культивируемых обществом в качестве должных характеристик общественного бытия, возведённых в качественном отношении до

уровня предельного совершенства. Возникновение утопических представлений вызвано определёнными социокультурными основаниями, которые возможно дифференцировать на ментально-экзистенциальные, воплощающие стремление человека к конструированию идеального мира, где возможности удовлетворения социально-значимых потребностей безграничны (утопия Т. Мора); и концептуально-теоретические, инициированные потребностью в конструировании непротиворечивой идеальной модели социальной реальности, где все сферы общественной жизни предельно сбалансированы, а их КПД совершенен (идеальное государство Платона).

Утопия конструирует новую модель реальности, в основе которой находится воспроизведение общественных представлений о должной организации социальной жизни.

«Под *утопизмом* мы разумеем не общую мечту об осуществлении совершенной жизни на земле, свободной от зла и страданий, а более специфический замысел, согласно которому совершенство жизни может – а потому и должно быть – как бы автоматически обеспечено неким общественным порядком или организационным устройством» [14, с. 86].

Утопия в общественном сознании выделяется в различных формах. *Антиутопия* или *дистопия* – идеальная модель несовершенного общества, не приемлющего традиционные ценности, по смыслу противоположного системе отношений утопического идеала.

Полиутопия – изображение идеального мира, состоящего из разных по уровню развития, но одинаково жизнеспособных обществ, вынужденно взаимодействующих друг с другом.

Энтопия – в буквальном переводе «место, которое есть», реализованный в локальном масштабе утопический проект.

Практопия – утопия, претендующая на идеальное отражение определённого социального проекта, имеющего широкое социальное звучание, «контратопия» «экоутопия», «моноутопия» и др. [3].

Картина социально-исторической реальности является своеобразной моделью практопии, так как сама история, являясь имманентным компонентом общественного сознания в преобразованной идеальной форме отражает комплекс ценностей социальной практики, имеющих непреходящее социальное значение.

В историческом повествовании формы социальной активности предстают как проект выражения интегрального синтеза потребностей общества в определенном образе истории, представлений о социальном должном и действительных параметров исторического явления.

Специфика истории заключается в выстраивании особенного, отличного от реальности, мира идеальных образов, находящихся в определённых отношениях друг с другом, обусловленных необходимостью создания целостного представления о существовании исторической реальности. Конструирование идеальных по сути и «совершенных» по форме образов истории является одним из вариантов утопического изобретательства. История порождает утопию как идеальный образ деятельности людей, представленной в совершенной степени. Образ исторической реальности содержит в себе значения, актуальные для современного общества, и главной задачей картины социально-исторической реальности становится отражение ценностных параметров исторического явления. Картина социально-исторической реальности изначально призвана аккумулировать ценностные значения социального прошлого, удовлетворяющие общественные потребности настоящего. Отсюда наделение исторических событий и действующих лиц качествами, составляющими общественную ценность. Образ истории, неравнозначен объективной реальности, но определяется субъектом как её объективная данность. Имеет место не только реализация процесса проецирования свойств реальности в сознание человека, но и субъективная форма проекции идеальных представлений из сознания творца картины социально-исторической реальности во внешний по отношению к нему мир социально-исторических связей и отношений.

Естественное и смысловое состояние исторического события не тождественны по своему содержанию. Предмет сам по себе может иметь отличную от определённого для него смысла функциональную нагрузку, его место в системе бытия определяется мировоззрением субъекта, устанавливающего положение предмета в иерархии собственных ценностей. Неизбежное в исторической рефлексии установление определённости соотношения ценностного и действительного, объективного и субъективного, реальности и идеала конституирует образ исторической практики в качестве мифологемно-утопического.

Таким образом, образ истории в контексте организации картины социально-исторической реальности является выражением утопического проекта, актуализирующего отдельные аспекты исторической реальности в контексте социально желаемого. Исторический образ является следствием проекции содержания общественного идеала на социальное прошлое общества, вследствие чего образ прошлого реализуется как утопическая форма реальности, сочетающая в себе объективное содержание исторического явления и социально востребованный вариант его прочтения.

Библиографический список

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко – СПб: А-сэд, 1994.
2. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. / В. Дильтей – М.: Три квадрата. Т. 3. 2004.
3. Гречко П.К. Концептуальные модели истории / П.К. Гречко. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Grech/index.php.
4. Антипов Г.А. Историческое прошлое и пути его познания / Г.А. Антипов. – Новосибирск: Наука, 1987.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И Ожегов – М.: Сов. энцикл., 1964.
6. Каган М.С. Лекция / М.С. Каган. – URL: Refdb.ru.
7. Ортега и Гассет Х. Идеи и верования: избранные труды / Х. Ортега и Гассет – М.: Весь Мир, 2000.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка: Современное написание: в 4 т. / В.И. Даль – М.: Астрель. АСТ, 2003.
9. Утопия и утопическое мышление: сб. статей / сост. В.А. Чаликова. – М.: Прогресс, 1991.
10. Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М.: Юрист, 1994.
11. Баталов Э.Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических / Э.Я. Баталов. – М.: Политиздат, 1989.
12. Понамарёва Г.М. Утопия и утопическое сознание в контексте русской культуры XIX – начала XX вв. / Г.М. Понамарёв.
13. Ниманов И.Н. Социальный утопизм и общественная мысль / И.Н. Ниманов // Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. – М.: Наука, 1977.
14. Франк С.Л. Ересь утопизма / С.Л. Франк // По ту сторону правого и левого. – Paris: YMCA-Press, 1972.

ГРНТИ 02.41.51

УДК 008

С.Н. Каташинских
УГЛТУ, Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ АКТИВИЗАЦИИ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современные приемы мотивации к чтению разнообразны: государственная программа развития и поддержки чтения, массовое публичное чтение классики, креативные стимулы.